

А.В. Дмитриев

**Некоторые особенности повседневной жизни и быта военнослужащих
регулярных частей русской армии в Сибири (вторая четверть XVIII в.)**

Исследователи, занимающиеся историей русской армии в XVIII в., в основном, обращают внимание на принципы внутренней организации, кадровый состав и функции её полевых и гарнизонных полков¹. При этом, как правило, мы почти не находим сведений о деталях повседневной жизни и быта военнослужащих. Понятие «повседневная жизнь» возможно определить как сознание и деятельность рядового человека в типичных сферах его жизни. В него безусловно входят привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, а также их поведение и деятельность, регулируемая теми или иными нормами и социальными институтами². Применительно к людям, несшим службу в русской армии XVIII в., нас будут интересовать следующие аспекты: процедуры снабжения денежным и вещевым довольствием; механизм продвижения по службе (повышения в чинах); порядок исполнения военнослужащими отдельных поручений, связанных с необходимостью покинуть расположение своих частей; взаимоотношения между ними по тем или иным вопросам, не связанным напрямую с выполнением воинского долга. К бытовой же стороне можно отнести, прежде всего, уровень материального благосостояния, выражающийся в наличии конкретных предметов домашнего обихода, а также мундирного платья, оружейного набора, личных вещей.

Отчасти ситуация объясняется тем обстоятельством, что сохранившиеся источники дают информацию лишь о тех или иных внешних сторонах военной службы. Единственной известной нам попыткой реконструировать картину «военно-служебной повседневности» является работа С.В. Карпущенко, к сожалению, мало доступная читателям³. Более того, она относится скорее к популярному жанру, представляя собой ряд очерков, в которых описывается пребывание солдат и офицеров русской армии на постое и в лагерях, процедуры выплаты им денежного жалования, используемые формы одежды, нормы питания, особенности уклада семейной жизни и т. д. Ссылок на используемые источники и литературу автор вообще практически не приводит. Несколько публикаций посвящены взаимоотношениям военнослужащих с населением в тех регионах, где были дислоцированы на постоянных квартирах армейские части⁴. Зато, например, о порядке выплат рядо-

Дмитриев Андрей Владимирович, к.и.н. доцент Новосибирского государственного университета. Эл. почта: khaldeus@academ.org

¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в.: Очерки. М., 1958; Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001; и др.

² См.: Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 85; Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. С. 129, 130.

³ Карпущенко С.В. Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999.

⁴ См.: Лалин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 135–164; Субботина (Яковлева) Л.Е. Натуральный постой в XVIII–XIX вв.: через льготы к цивилизо-

вым и офицерам денежного жалования в целом ряде работ содержатся лишь общие фразы, не связанные с какими-либо конкретными примерами¹. При этом все данные аспекты изучались, в основном, на материалах европейской части страны.

Жизнь и быт военнослужащих, находившихся в Сибири на протяжении 1730–1740-х годов, и вообще до сих пор практически не рассматривались. Лишь в трудах алтайских исследователей А.А. Пережогина и С.В. Андрейчука, а также в одной из последних работ красноярского историка Г.Ф. Быкони, мы находим некоторые сведения, относящиеся к интересующим нас сюжетам². Хотя даже в данных публикациях они носят подчиненный характер, не являясь предметом специального анализа. Однако в материалах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) нам все же встретились данные о некоторых аспектах, характеризующих особенности повседневного несения службы на «сибирской окраине».

В сохранившихся документах канцелярского делопроизводства были обнаружены расчеты, производившиеся для выплат определенных денежных сумм на поездки военнослужащим, описание процедур баллотировки, которыми сопровождалось выдвижение офицеров на ряд должностей в полку, судебные дела, посвященные разбору конфликтов между военнослужащими, побегов рекрут со службы и т. д. Все эти сведения не только дают представление о тех проблемах и трудностях, с которыми ежедневно могли сталкиваться рядовые и офицеры местных воинских частей, но также позволяют отметить любопытные черты в устройстве быта военнослужащих. Несколько моментов, имеющих прямое отношение к этим сферам, и послужили материалом для данной статьи.

Прежде всего, обратим внимание на некоторые особенности, связанные с расчетом и выдачей военнослужащим денежного жалования. Все специалисты по истории русской армии отмечают основные принципы, на которых строилась его выдача: регулярность (три раза в течение года), ординарные («на строение мундира», а также на содержание госпиталей и закупку для них медикаментов) и экстраординарные (за утерю или приведение в негодность вооружения, обмундирования и пр.) вычеты³. Однако почти нигде не упоминается о том, на какие цели военнослужащие могли получать дополнительные средства, помимо жалования. Известно, что на протяжении большей части XVIII в. рядовые, особенно в гарнизонных войсках, зачастую использовались на строительстве и ремонте мостов, сооружении укреплений. Занятым в конце 1720-х годов на рытье Ладожского канала солдатам, напри-

ванным формам отношений армии и населения // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.

¹ См. например: *Соловьев Н.И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб., 1900. Вып. 1; *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1; *Бегунова А.И.* Сабли острые, кони быстры... (Из истории русской кавалерии). М., 1992; *Тиванов В.В.* Финансы русской армии (XVIII – начало XX в.). М., 1993.

² *Пережогин А.А.* Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005; *Андрейчук С.В.* Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010; *Быконя Г.Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007.

³ См.: *Баиов А.К.* Русская армия... С. 36; *Соловьев Н.И.* Исторические очерки... С. 109–115.

мер, казна платила по три копейки в день¹. Но был и еще один аспект – отправление рядовых или унтер-офицеров в дальние поездки для доставления донесений или иных документов государственным учреждениям. Для этого им также выдавались из казны соответствующие денежные суммы («прогонные деньги»), которые должны были идти на оплату подвод.

Приведем несколько примеров того, как рассчитывались и выдавались эти суммы. В сентябре 1740 г. из Тобольска в Санкт-Петербург «с нужнейшими доношениями и репортами» был отправлен вахмистр Новоучрежденного гарнизонного драгунского полка Михаил Редриков. Для проезда распоряжением Сибирской губернской канцелярии ему были выданы из тобольской рентереи² на одну почтовую подводку 21 руб. 13,5 коп. Возвращаться же ему предстояло уже по «зимнему пути» на ямской подводе, и это должно было ему обойтись в 10 руб. 63 коп.³ Рассчитывались эти суммы согласно установленным нормативам: прогоны за использование подводы составляли летом по одной копейке, а зимой – по 0,5 коп. с версты⁴. Следовательно, ему предстояло проехать в обе стороны расстояние не менее 4 тыс. верст.

К концу 1740 г. в Санкт-Петербург отправился сержант Енисейского гарнизонного пехотного полка Петр Лазарев. До места назначения ему предстояло ехать на двух почтовых подводах, а обратно – уже на одной. В соответствии с расчетом «зимнего пути» ему было выдано по 15 руб. 72,5 коп. за каждую из трех подвод, так что общая сумма составила 47 руб. 17,5 коп.⁵ Очевидно, следовать в столицу он должен был не прямым путем, а через Москву, что увеличивало его путь ещё примерно на тысячу верст в каждую сторону. Лишняя же подводка на пути в Петербург предназначалась, судя по всему, для перевозки большой партии документов: Сибирская губернская канцелярия специально подчеркивала, что он должен был доставить различным правительственным учреждениям «нужнейшие доношения, ведомости и репорты».

Несколько ранее, в 1738 г., из Тобольска в Санкт-Петербург был отправлен рядовой Тобольского гарнизонного пехотного полка Дмитрий Зеленщиков. Прибыв к месту назначения, он оказался в затруднительном положении, указав в своем донесении, адресованном Сенату: «Дана мне для проезда ис Тоболска до Санкт Питербурха одна ямская подвода и на оную прогонные денги без возврату [...] А для проезду обратно до Тоболска на одну ямскую подводу прогонных денег мне не дано, и за тем ехать мне туда не на чем, а ежели идти пешему, то продолжусь в пути многое время, от чего опасен штрафа»⁶. В связи с этим он просил выдать ему деньги для оплаты подводы на обратный путь. При рассмотрении дела в Сенате выяснилось, что в тексте подорожной, выданной Зеленщикову за подписью сибирского губер-

¹ Карпущенко С.В. Быт русской армии... С. 118.

² Рентерея – местное ведомство, подчиненное государственному казначейству. Принимало собираемые налоговые взносы, хранило казённые деньги и выдавало их по распоряжению губернаторов и воевод. Введены были Петром I с 1720 г.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 322.

⁴ Соловьев Н.И. Исторические очерки... С. 91.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 330.

⁶ Там же. Кн. 789. Л. 457.

натора П. Бутурлина, были указаны лишь расчётные цены для оплаты подвод, но ничего не говорилось о размере выданной ему денежной суммы: «Давать ямскую, а где ямов нет, уездную одну подводу, имея [...] за ямскую прогонные денги на десять верст по две копейки, а за уездную по печатному плакату в нынешнее летнее время по копейке на версту»¹.

Кроме того, в подорожной не было сказано, предназначены ли эти деньги лишь для проезда в один конец или также для возвращения в Сибирь. Однако ещё сенатским указом от 1736 г. предписывалось обязательно уточнять этот момент: «Когда из Сената и из других мест, куда куриэры отправятца, також и в Сенат и в другие ж места, откуда присылаются будут, то в указах и доношениях точно писать, с возвратом ли или толко в один путь им прогонных денег, и сколько выдано будет, дабы оные, которым даны будут прогонные денги в оба пути, вторичных оттуда, куда посланы будут, не получали»². В итоге Сенат принял решение дать Зеленшикову ямскую подводу (согласно сенатскому указу ему выписали подорожную в Ямской канцелярии) и выделить необходимую сумму для оплаты прогонов из средств Штатс-контор-коллегии. Возместить же выплату этих денег было поручено Сибирскому приказу путем взыскания с Сибирской губернской канцелярии «за непорядочное того салдата отправление»³.

Военнослужащим в Сибири выдавали не только денежное жалование, но также в ряде случаев и казенный провиант. К середине XVIII в., как отмечал Л.Г. Бескровный, «переход от натуральных поставок к денежным закупкам привел к системе централизованных заготовок и созданию специальных провиантских магазинов, на которые базировались войска»⁴. Однако в сибирских условиях эта система зачастую не срабатывала. Г.Ф. Быконя указывал, что рядовые дислоцированного в Забайкалье Якутского гарнизонного пехотного полка содержали собственные мельницы, где мололи привозимое зерно, а в дальнейшем и сами стали заниматься хлебопашеством⁵. В 1738 г. из Кяхты, где работала государственная комиссия по надзору за покупками для казны ревеня, был отправлен в Петербург «с некоторыми секретными известиями» солдат того же Якутского полка Иван Власов. Проведя в отъезде почти год, Власов не успел получить причитавшегося ему хлебного рациона (за период с сентября 1738 по июль 1739 г.), и в 1741 г. просил выдать то количество провианта, которое задолжала ему казна.

Согласно девятому пункту действовавшего тогда в русской армии Воинского Устава 1731 г., отправлявшимся в дальние поездки офицерам и рядовым полагалось выдавать жалование «на то время, пока могут к полку возвратитца, или дойдут до такого места, где могут жалованье получить, по усмотрению и по общим советом за подписанием штап офицеров и ротных командиров»⁶. Вместе с положенным ему провиантом за майскую треть наступившего года он должен был получить три четверти и четыре четверика муки, один четверик и шесть малых четвери-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 789. Л. 458.

² Там же. Л. 459.

³ Там же. Л. 460–461 об.

⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия... С. 124.

⁵ Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население... С. 175.

⁶ РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 66. Л. 2 об.

ков крупы¹. Однако командир полка бригадир В. Якоби по согласованию с другими штаб-офицерами и ротными командирами принял решение выдать Власову только денежное жалование, включив туда и суммы, положенные на получение мяса и соли в текущем году² – шесть рублей 42 коп. Провиант же, «за неизменением здесь в Селенгинском магазине», ему велели требовать в Иркутске от тамошней провинциальной канцелярии³.

Не редкостью были в армейской среде конфликты между военнослужащими, в том числе по вопросам, связанным с обвинениями в государственных преступлениях (по «слову и делу государеву»). Мы уже затрагивали эти сюжеты в одной из предшествующих публикаций, но здесь хотелось бы подробнее остановиться на одном из таких дел – обвинении, выдвинутом солдатом Тобольского полка Максимом Бронниковым против служившего в Верхояцкой крепости прапорщика Оренбургского драгунского полка Андреяна Кузнецова. Начальствовавший в крепости капитан Сибирского гарнизонного драгунского полка Андрей Полстовалов, допросив Бронникова 23 июля 1739 г., отправил его вместе с обвиненным офицером и теми свидетелями, на которых ссылался солдат, в Миасскую крепость к находившемуся тогда там В.Н. Татищеву, одновременно являвшемуся воеводой Исетской провинции и командиром Оренбургского полка. Конвоировал этих людей, закованных «в ножные и ручные железы», вахмистр того же полка Иван Ключарев с приданными ему драгунами и солдатами (всего 16 чел.). Татищев выдал ему для проезда с арестованными в Москву на семь подвод 55 руб. 52 коп. прогонных денег, оговорившись, правда, что точное расстояние до пункта назначения ему неизвестно, поэтому конвойный офицер, в случае нехватки этих средств, сможет требовать деньги у губернаторов и воевод тех городов, через которые лежит его путь⁴.

Документов о самом ходе расследования нам обнаружить не удалось. Известен лишь окончательный приговор, вынесенный прапорщику Кузнецову уже в 1740 г.: «В конторе Военной коллегии был судим военным судом, и за предрозостные слова по указу канцелярии Оренбургской комиссии при полку вычтено у него в госпиталь из денежного жалования за треть года»⁵. Судя по всему, его преступление было сочтено маловажным и не соответствующим заявленному против него обвинению «по первому и второму пунктам». Однако для нас главную ценность, безусловно, представляет опись личных вещей, составленная при аресте этого офицера⁶. По ней, в частности, можно судить не только об уровне его материального благосостояния, но также и об уровне его запросов и интересах в повседневной жизни.

¹ Четверть – мера объема сыпучих тел, определявшаяся по их весу, в XVIII в. равная приблизительно 130 кг. Четверик – 1/8 часть четверти, равен 16,38 кг. Малый четверик (гарнец) – 1/8 часть четверика, равен почти 2,05 кг.

² Решением Военной комиссии с 1731 г. деньги на мясо и соль, ранее отпускавшиеся нижним чинам отдельно, были присоединены к их жалованию: «Мясных денег полагалось в год 72 коп., а на соль 15 коп. в год на человека» (Соловьев Н.И. Исторические очерки... С. 101).

³ РГАДА. Ф. 1092, оп. 1, д. 66, л. 3, 3 об.

⁴ Там же. Ф. 248. Оп. 113. Д. 22. Л. 1, 1 об.

⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 192. Л. 2 об., 3.

⁶ Все данные приведены ниже по: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 22. Л. 3–5.

Подразделив все указанные в описи предметы по функциональному назначению, получаем в итоге следующую картину. Набор предметов вооружения, которыми располагал прапорщик Кузнецов, был вполне обычным для драгунского офицера того времени ¹. В него входили шпага с медным эфесом (вызолоченным), сабля и пара пистолетов, лядунка ² с 14 патронами к ним, трещотка с пыжовником (предназначены для чистки канала ружейного ствола и извлечения оттуда заряда), а также два мешочка из лосиной кожи, в которых хранилось немного пороха (восьмая доля фунта) и 90 винтовочных свинцовых пуль. Весьма тщательно был подобран конский убор: он включал немецкое седло с двумя кобурами для пистолетов, плеть и четыре хомута, четыре попоны (три шерстяных, одна холщовая), два мундштука (один с медным убором), восемь уздечек, чепрак ³ и пару гужей, две пары шпор (медные и железные). То есть, боевую экипировку можно было считать полностью соответствующей уставным требованиям. Его патент на обер-офицерский чин хранился в «подголовке» – небольшом ларце или сундучке.

В чемодане, где прапорщик хранил свое обмундирование, мы находим следующие его составляющие: васильковый кафтан и желтый суконный камзол (оба с медными пуговицами), суконный сюртук песочного цвета с оловянными пуговицами, четыре пары штанов (две зеленых, а также василькового и песочного цветов), пять пар чулок (две пары шерстяных, относительно которых указано «ветхие», и три пары нитяных, т. е. вязаных). Дополняли мундир шляпа с золотым позументом, пара перчаток из лосиной кожи и обувь: две пары сапог «ношенных», новые башмаки и штиблеты, «туфли старые» ⁴. Комплект нижнего белья включал семь рубашек (шесть холщовых и одна из «немецкого полотна»). Кроме того, находясь на службе в зимнее время, Кузнецов надевал под мундир фуфайку из тафты ⁵, обшитую золотым позументом и отделанную мехом внутрь, а в сильный мороз мог воспользоваться чёрной овечьей шубой, крытой белой китайкой ⁶, и бобровой шапкой, покрытой голубым сукном, также с золотым позументом. Правда, как указывает С.В. Карпущенко, дабы не терять «армейское обличье», военнослужащие должны были и меховую одежду носить под мундиром, а не поверх него, однако офицеры находили достаточно способов обойти это правило ⁷.

Перечень вещей, предназначенных для личного употребления, также свидетельствует, что прапорщик вполне успешно приспособил свой повседневный быт к воинским нуждам. Так, мы находим здесь шесть холщовых салфеток (из них две расшитые шелком), четыре полотенца и холщовую скатерть, два платка («гранитуровый» ⁸ и нитя-

¹ Для сравнения с нашими данными мы используем сведения, содержащиеся в работе К.В. Татарникова, см.: *Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение.* М., 2008.

² Лядунка – сумка для пистолетных патронов у кавалеристов, носилась на перевязи через плечо.

³ Чепрак – мягкая подстилка под седло на спине лошади.

⁴ Башмаки и штиблеты были сделаны из козляной кожи. О выделке их см.: *Карпущенко С.В. Быт русской армии...* С. 133–135; *Татарников К.В. Русская полевая армия...* С. 78–80.

⁵ Тафта – тонкая ткань полотняного плетения, ввозилась в Россию из Персии.

⁶ Китайка – плотная хлопчатобумажная ткань, из которой шили верхнюю одежду.

⁷ *Карпущенко С.В. Быт русской армии...* С. 136, 137.

⁸ Так называли разновидность плотной шелковой материи.

ной). Для ухода за мундиром предназначались моток ниток и набор иголок, завернутых в две бумажки, шляпная щётка и деревянная коробка для хранения головного убора. Деньги он хранил в кошельке из зеленой тафты, расшитом золотом. К предметам личной гигиены относились два парика, чёрная лента (для связывания волос в косу), бритва и пудреница. Довольно богатым выглядит кухонный набор: чарка из серебра, медный чайник, оловянная посуда (два блюда, пять тарелок, два стакана, шесть чарок), два жестяных подноса, две деревянные чашки китайского производства и деревянная же чаша «русского дела» с блюдецком, медные котел и кандейка¹. Отдельно были отмечены найденные на квартире Кузнецова некоторые продукты: «Перцу с четверть фунта, в кадочке меду фунта с полтора».

Наконец, обратим внимание на имевшиеся у прапорщика печатный экземпляр «Артикула воинского», печатный букварь и стеклянную чернильницу, оправленную медью. Из этого мы можем заключить, что Кузнецов не только был грамотным человеком, умевшим читать и писать, но и считал необходимым держать под рукой «Артикул...», представлявший собой руководство для решения дел, относящихся к сфере компетенции военного суда. Очевидно, эти качества выделяли его среди сослуживцев, поскольку в январе 1741 г., уже после завершения следствия над ним, он был сделан полковым комиссаром, то есть стал отвечать за распределение денежного и вещевого довольствия для всего Оренбургского полка². Понятно, что пребывание на такой должности требовало от человека не только письма и хорошего знания государственных законов, но и умения производить достаточно сложные математические расчеты.

Отметим, что как раз чин прапорщика давал его обладателю возможность быть предложенным сослуживцами на одну из так называемых «должностей унтерштаба»: комиссара, адъютанта и др. Ими становились те, кого выдвигали из своей среды штаб- и обер-офицеры в каждом полку. Так, в 1741 г. имела место баллотировка в адъютанты сразу в нескольких гарнизонных частях Сибири. В частности, в Тобольском полку эту должность занял прапорщик Лука Разумнов, а Енисейском пехотном полку – прапорщик Петр Мякинин, в Новоучрежденном драгунском полку – прапорщик Федор Сухотин, в Новоучрежденном пехотном батальоне – прапорщик Фома Виравчев³. При этом среди офицеров в каждом случае проводилось голосование, результаты которого фиксировались в специальном «аттестате», как правило, гласившем, что кандидат «в фергерах и криксрехтах (то есть под следствием и военным судом) и в штрафах ни в каких не бывал, и в адъютантах быть достоин, в чем и подписуемся». После этой характеристики следовали автографы его сослуживцев. Иногда здесь специально оговаривались достоинства отдельных кандидатов. Например, о Ф. Сухотине было добавлено, что он «грамоте и писать довольно умеет»⁴. За неграмотных офицеров подписывались их сослуживцы: в аттестате на П. Мякинина в Енисейском полку за капитана Марка Карпова и поручика Ермолая

¹ Кандейка – ёмкость для жидкостей, сыпучих тел и мелких предметов.

² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 192. Л. 2 об., 3.

³ РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 100. Л. 1–5.

⁴ Там же. Л. 3 об.

Быкова расписались прапорщики Василий Попов и Афанасий Чувашев соответственно ¹.

Однако даже попадание под следствие и военный суд, по большей части, не становилось препятствием для дальнейшей службы в частях «Сибирского гарнизона». Этот вопрос уже освещался нами в одной из предшествующих публикаций ². Здесь же мы только приведем пример, связанный с судьбой одного беглого рекрута. Михаил Портнягин, «разночинец» из деревни Уфимцевой ведомства г. Кузнецка, был в 1738 г. взят в рекруты капитаном и местным воеводой А. Бартевым и отправлен вместе с другими своими сотоварищами в Тобольск для осмотра в Сибирской губернской канцелярии. Там, сговорившись с другим кузнецким уроженцем Иваном Шимовым, они бежали со сборного пункта и пошли «к Ишимскому дистрикту степью, и пришед Ишимского дистрикта Коркиной слободы в деревню, а прозвания той деревне не знает, украли они из склети муки пуда с полтора» ³. Добравшись до Кузнецкого уезда, Шимов отделился от Портнягина и отправился к себе домой в Малышеву слободу. Портнягин же «пошел в степь к озеру Петровскому на звериные промыслы, и жил в промышленных избушках с товарищем своим, Красноярского завода жителем Иваном Антроповым, года с три, питались рыбою и мясом, а в жилых местах ни у кого не живал» ⁴.

Однако трехлетнее пребывание «в бегах» ему надоело, так что в апреле 1741 г. он явился в Кузнецкую воеводскую канцелярию, сдавшись властям. За побег со службы он должен был понести суровое наказание. Однако очередная амнистия, объявленная в декабре 1741 г. после переворота, приведшего к власти императрицу Елизавету Петровну, избавила его от этого: «Кто из духовных, военных и других чинов явились в неисpravлении должностей своих и в непорядочных поступках, учиненных в противность указам, и других винах (кроме важнейших по первым двум пунктам воров и разбойников, и смертных убийц, и похитителей многой казны государственной), за которые [...] осуждены на смерть или в каторжную работу, или куда в ссылку, или кому какое наказание учинить и чинов лишить присуждено [...] оным всем такие учиненные ими вины всемилоостивейше повелено простить и от наказания, от ссылки и штрафов освободить» ⁵. Портнягин был снова благополучно принят на службу и в апреле 1742 г. отправлен в Новоучрежденный батальон: «И велено его в верности службы ея императорскаго величества привести к присяге, и выдать ему мундир и аммуницию, и с протчими производить денежное и хлебное жалованье, и обучать военной экзерциции» ⁶.

Исследованные нами эпизоды представляют достаточный интерес, проливая свет на ряд особенностей, характеризовавших повседневную жизнь и быт военно-

¹ РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 100. Л. 3.

² См.: *Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: (социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов IV регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 54–62.*

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 453. Л. 271.

⁴ Там же. Л. 271, 271 об.

⁵ Там же. Л. 271 об., 272.

⁶ Там же. Л. 272.

служащих гарнизонных частей русской армии в Сибири. Установлено, что при выполнении служебных поручений, связанных с поездками в столицы, эти люди сталкивались со значительными проблемами (в силу отдаленности «восточной окраины» империи). Тем не менее, с учетом специфики сибирских условий власти могли оказывать военнотружущим помощь в виде не только денежного, но и провиантского довольствия. Изученная нами опись личных вещей одного из офицеров «Сибирского гарнизона» свидетельствует, что даже в гораздо более тяжелых условиях (по сравнению с другими регионами империи) людям, состоявшим здесь на службе, удавалось устроить бытовую сторону своей жизни надлежащим образом.

В связи с этим хочется выразить сожаление, что до сих пор мы практически не имеем работ, освещающих «армейскую повседневность» XVIII в., хотя источниковая база для подобных исследований достаточно обширна и включает в себя не только мемуарные свидетельства (широко известные воспоминания А. Болотова, М. Данилова и др.¹), но и документальные материалы, сосредоточенные в центральных и местных сибирских архивах. Даже работы, посвященные изучению вооружения и обмундирования в русской армии XVIII в., по большей части, остаются достоянием лишь узкого круга специалистов². Мы надеемся, что данная публикация поможет привлечь внимание к этой проблематике, имеющей значимость не только для любителей военно-исторических реконструкций, но и для профессиональных историков, открывая еще одну грань в жизни Российской империи XVIII в.

¹ См.: *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986; *Данилов М.В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г. (1722–1762) // *Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.)*. Л., 1991. С. 281–350.

² Правда, нельзя не отметить недавнюю масштабную публикацию источников, осуществленную К.В. Татарниковым. См.: *Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: Сб. док.: В 2 т.* М., 2009.